

Митяев Олег

06.6.01

Новая газ. - 2006 - 6 июня - С. 21

ОЛЕГ МИТЯЕВ:

Я НЕ ЗНАЮ, ЧТО ТАКОЕ АВТОРСКАЯ ПЕСНЯ

Бродского будут петь отпетые мошенники?

Мы знакомы уже лет тринадцать. В конце 80-х мы вместе дважды съездили в еще разделенную Германию, набрались занятных впечатлений и довольно часто с удовольствием предаемся воспоминаниям.

Сегодня мы не так уж близки, но на последнем дне рождения у Олега я был рад заметить, что в процессе роста его популярности с ним не происходит тех

необратимых изменений, которые я замечал в других людях, чьи имена стали украшением газетных страниц и рекламных афиш. Худшие симптомы звездной болезни пока прошли стороной.

Впрочем, «по делу» мы с Олегом Митяевым за эти годы не говорили ни разу, и некоторые моменты нашей беседы стали для меня открытием

— Скажи, как ты сам объясняешь, что так называемый феномен авторской песни существует только в России и окрестностях?

— Ну, это не совсем так. В виде шансона она существует во Франции, в виде альтернативной социальной песни — в Италии и Германии. Там, кстати, есть довольно известный человек — Вольф Дирман.

— Ну ты еще Эрнста Буша вспомни!

Вольф Дирман, между прочим, очень созвучен Окуджаве, он приезжал к нему сюда, они общались. Там говорят, что его песни способствовали упразднению ГДР и объединению Германии. Правда, еще до крушения стенки он переехал в ФРГ. Дирман является голосом целого поколения, поет под гитару, очень популярный человек. Смешно: когда он приезжал в Москву и выступал, все время обращался к русским с вопросами о жизни здесь, а в зале были только двое русских: я и Никитин, остальные все — немцы.

— А кто в Италии?

— Есть такой Брандуарди. Но мы, наверное, не с того начали. Ведь нужно еще выяснить, что такое авторская песня, это же вопрос вопросов! Я вот просто не знаю, что такое авторская песня. Посмотри: лауреаты Сан-Ремо, Боб Дилан и Окуджава, ведь все — барды! Что касается Брандуарди, то я не знаю итальянского, поэтому в деталях о его поэзии ничего рассказать не могу, но мне очень нравится его... такое средневековое звучание и, конечно, богатейшая смысловая нагрузка.

— Именно! Ведь очень сложно воспринимать поэзию на чужом языке или даже в переводе. А как за границей воспринимают тебя? Можешь объяснить это на примере Вольфа Дирмана, которого ты слушал в оригинале, а читал в переводах?

— На концертах Дирмана я получал удовольствие от его актерской работы, он очень хороший актер! Даже человек, знающий язык, обычно понимает только смысл и упускает нюансы, а ведь в нюансах-то и есть все самое главное! Можно, конечно, пользоваться подстрочными переводами, но... на самом деле это маразм. Вот у меня, например, есть песня, где я к осени обращаюсь, как к любимой женщине, а у них осень — мужского рода...

Мы довольно много выступали в Германии, так они приходят и все время глупо улыбаются, чтобы показать хорошее к нам отношение. Мы вынуждены так же глупо

улыбаться в ответ независимо от содержания песни. А вот когда я спел несколько песен по-немецки, мне там специально сделали переводы, вот тут я заметил, как у них изменились глаза! Правда, и у меня они, наверное, изменились, потому что я сам перестал понимать, что пою...

— Вот попробуй ответить честно: твое стремление уйти от аккомпанемента одной гитары и соответственно приобщение к эстраде, это что — погоня за чужой аудиторией? Ведь в классической бардовской песне это не принято...

— Знаешь, а я вообще никогда не считал себя бардом и не стремился им быть. Только уважение к людям, которые себя так называют, не позволяет мне откровенно от этого соседства. Но, когда появилась вторая гитара в лице Кости Тарасова, у Челябинской филармонии сразу возник вопрос, а зачем это надо, ведь не принято же! Да и слушатели тоже поначалу пожимали плечами... Но потом это уже стали принимать. А я тогда пытался бежать от банальности. Хотелось добиться оригинального звучания.

— А вот когда ты стал работать с Леной Марголиной, у тебя не было опасения, что будет еще большее отторжение со стороны традиционной публики? Ведь это для них уж совсем «за гранью», когда авторская песня вдруг звучит в сопровождении «ресторанного лабуха».

— Между прочим, не просто «ресторанного лабуха», а еще и человека, игравшего в группе «Лесоповал», идеология которой меня, мягко говоря, совершенно не устраивала! Но фактическая сторона дела, а именно то, что он разносторонне одаренный музыкант, победил. И кстати, как мы с Тарасовым всегда сидели и «выпиливали» аранжировки, постоянно ругаясь и сцепляясь, так же и с Леной мы всегда работаем очень долго, но в результате приходим к тому, что удовлетворяет обоих. Могу тебе сказать, что с Марголиной бороться намного сложнее и интереснее, потому что у него и палитра музыкальная богаче, и вариативность гораздо выше, чем у гитариста, пусть и очень хорошего. Я считаю, что это очень большая моя удача.

— Ладно, теперь другая тема. Вот в середине 80-х годов все стало можно и у бардов начала уходить почва из-под ног: эзопов язык стал уже никому не интересен, все то, что от вас принимали как откровение, стало можно про-

честь в газетах. «Вышла фигура из кармана и пошла себе гулять», как пел Юлий Ким. Ты тогда ощутил, что писать стало сложнее?

— Нет. Это, кстати, очень интересная тема, потому что я вырос в Челябинске, в рабочей глубинке, и, когда было ничего нельзя, я даже «Мастера и Маргариту» не читал. Сахарова и Солженицына считал преступниками и врагами народа. Я все узнал тогда, когда все узнали, и для меня это было совершенно органично. Когда все заурлило, в журналах вдруг пошла правда, мне было... не помню сколько, да и неважно, потому что у меня было очень замедленное развитие. Вот тогда мозги заработали, но оказалось, что уже все можно, так что меня никогда никто не запрещал.

— А я не только о запретах. Ведь ты же и сам, надеюсь, не считаешь свои песни высокой поэзией...

— А с меня этого никто и не спрашивает.

— Ну вот! Если что — извини, но все-таки ответь, что тогда происходило с твоей аудиторией: она сузилась или расширилась, и стал ли ты искать новые подходы?

— Знаешь, новых подходов к аудитории я не искал никогда, но она как-то всегда расширялась. Подсознательно я всегда старался прислушаться к себе, а это, кстати, не очень-то и просто. Ведь выглядеть нужно не так, как от тебя ждут, а так, как ты должен. В этом отношении меня всегда восхищал Булат Шалвович: когда на него наводили камеру, он никогда не менялся, даже не приспосабливался, а всегда оставался собой.

— Слушай, но ведь то, чем ты всегда занимался, сегодня стало шоу-бизнесом, хотя и особой его частью...

— Знаешь, шоу-бизнес — слово, хоть и нехорошее, но очень функциональное, как механизм донесения своих песен до большего числа слушателей...

— И следовательно, получения большего количества денег!

— Здесь есть два пути. Первый — это когда человек вкладывает деньги, чтобы потом получить прибыль. Наши продюсеры сегодня ведь не вкладывают деньги в песни на стихи Ахматовой, Цветаевой или Гумилева. Наверное, потому, что только процентов пятнадцать — двадцать нашего населения знают, кто это такие, и глупо вкладывать деньги в эти пятнадцать процентов, а не в остальные восемьдесят пять. Вот они на большинство и работают, поэтому и выбирают, что погрубее, попроще. У

меня совершенно другая ситуация, потому что я хочу донести до людей именно то, что делаю лично я.

— Слушай, а как ты относишься к ситуации, что сегодня в нашей стране стихи Митяева знает больше людей, чем стихи, скажем, Пастернака?

— Я думаю, что это печально. Я думаю, что это просто неправильно. Но это ведь у нас не единственный факт, вызывающий уныние. Поэтому мы с Леной, закончив альбом с песнями Визбора, готовим следующий, на стихи Бродского. Причем мы хотим, чтобы исполнили эти песни Децил, «Руки Вверх», «Отпетые мошенники». Надеюсь, эти ребята согласятся, ведь не совсем же они...

— А тебе не кажется, что это будет, как в анекдоте: «Все говорят Карузо, Карузо... А мне Изя напел, так я скажу, что полное говно!»

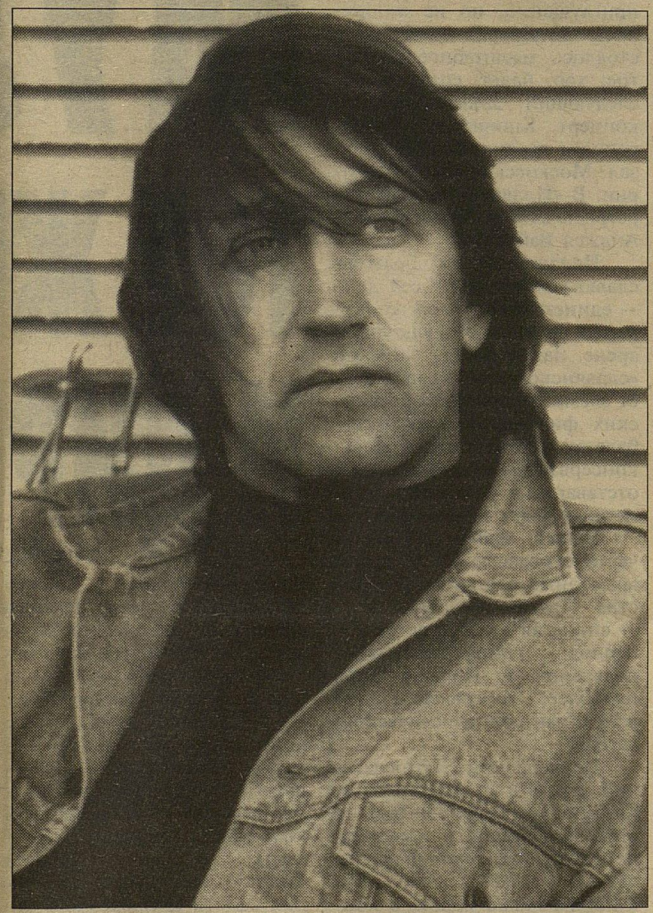
— Сережа, я не думаю, что это будет ужаснее, чем в исполнении самого Бродского, ты же слышал, как он гнусавит и завывает... А у молодежи тогда появится шанс узнать великую поэзию. Да прости меня сам Бродский, который не переносил, когда его стихи кладут на музыку.

— А вот теперь-то мы и вернемся к вопросу, что такое авторская песня. Согласен ли ты с моим определением, что это поэзия, музыка, театр и шоу-бизнес в одном лице?

— Ну почему «в одном лице»? Самый с точки зрения шоу-бизнеса удачный проект в жанре авторской песни — это «Песни нашего века», когда собрали много людей и много разных песен вместе. Был компакт-диск, была реклама, был концерт в «России»... Правда, с точки зрения шоу-бизнеса тогда уж нужно было делать тур по стране и окрестностям, но Васильев на этом решил остановиться. Почему-то.

— Да потому что вложил бабки в мюзикл в постановке Саши Цекало! Я его тут недавно встретил, так он мне сказал, что сам Ллойд Веббер послушал четыре песни и сказал, что это хорошо.

— Да. Может быть, это будет прекрасно, но и тот проект мог бы развиваться дальше. У авторской песни просто нет жестких рамок, я сам теряюсь в определении, что же это такое, и не надо противопоставлять ее шоу-бизнесу! Вот все говорят, что гадкий шоу-бизнес — это эстрада. Но ведь и тухмановский альбом «По волне моей памяти» на стихи величайших поэтов мира — это тоже эстрада, «Песняры» — эстрада, Лена

Камбурова — чистейшая эстрада... Кстати, я вспомнил один заголовок 80-х годов: «Елена Камбурова упорно не желает развлекать публику»... Жванецкий — эстрада, и множество других талантливых людей — тоже эстрада! И вот, когда к таланту применяется весь механизм шоу-бизнеса, то это же хорошо, не надо этого бояться! Мы все тупо зарабатываем деньги и тратим их на жизнь, вместо того чтобы по принципу шоу-бизнеса вкладывать их в развитие!

— Вот ты говоришь «мы». В жанре авторской песни, как в никаком другом, действительно до сих пор сохранился совершенно атактистический дух коллективизма: все дружат, все поют, все всегда вместе... но ты можешь выделить кого-нибудь из коллег как сказавшего «новое слово» в этом жанре?

— Опять ты говоришь «в жанре», а новое слово — это когда человек выходит за рамки жанра! И весь кайф нашего жанра заключается в том, что его границы можно менять как угодно. Некоторые стараются это делать. Беда только в том, что мало кто, зарабатывая деньги, думает о том, как совместить бизнес с попыткой продвижения нации вперед. Или хотя бы назад. Во как я сказал!

— Красиво сказал. Но я тебя сейчас подставлю. Ты

сегодня нарасхват и получаешь за концерт неплохие деньги, но что люди должны сделать для того, чтобы ты приехал и выступил бесплатно?

— Это происходит. Я человек нормальный, и меня очень огорчает, что не всем так хорошо, как мне.

— Будь осторожен, после этой публикации к тебе будут приставать гораздо чаще!

— Ладно. Вот в Челябинске недавно создали благотворительный фонд имени меня, и я всячески способствую его работе, денег с этого не получаю. А кроме того, в бард-кафе «Гнездо Глухаря» у нас была традиция: мы приглашали к себе хороших людей, но не для того, чтобы они там выступили, а для того, чтобы самим попеть для них! Мы кормили гостя ужином и пели для него песни! Эльдар Рязанов, например, Ролан Быков, еще хорошие люди... Поэтому можешь написать, что, если меня пригласит попеть человек, который заслужил уважение, я готов прийти.

Беседовал
● Сергей МИРОВ

ОТ РЕДАКЦИИ. На Грушинском фестивале 2001 года будет вручена премия «Новой газеты». В эти дни среди участников фестиваля будут распространены десятки тысяч льготных подписок на нашу газету.

КОНЦЕРТНЫЙ ЗАЛ
ИМ. П.И. ЧАЙКОВСКОГО
6 ИЮНЯ
(среда, 19.00)
2001г.

**ИМПЕРСКИЙ
РУССКИЙ
БАЛЕТ**

СОЛЕРСКИЙ
БАЛЕТНИК
БАЛЕТНИК
БАЛЕТНИК

Художественный руководитель
Лейла Галиева

3-4 КАЗ. БИЛЕТОВ
746-08-71
233-32-00
248-21-34

см. оборот 19